

ДЕБЮТНЫЕ РАБОТЫ

А. А. Долгова, Е. С. Митрофанова

Отделение от родительской семьи в России: межпоколенческий аспект

ДОЛГОВА Алина Александровна — лаборант Лаборатории экономико-социологических исследований НИУ ВШЭ. Адрес: Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

Email: aadolgova24@gmail.com

Отделение от родителей — знаковое и значимое событие в жизни человека, ассоциирующееся с независимостью, самостоятельностью, взрослостью. Это начало нового, важного этапа жизни, часто связанного с созданием собственной семьи, выходом на рынок труда. Находясь в связке с демографическими и социоэкономическими событиями, покидание родительского дома представляет интерес как для демографии, так для социологии и экономики.

В условиях Второго демографического перехода наблюдаются увеличение периода получения образования, рост карьерных притязаний, желание самоутверждения в молодые годы и откладывание брака и деторождения на более поздний срок. Данные процессы влияют на модель отделения от родительской семьи. Как и в каком возрасте современная молодёжь, если сравнивать её с более старшими поколениями, покидает родительский дом? От каких факторов зависит тот возраст, в котором дети начинают жить отдельно от родителей? На эти и другие вопросы мы ответим с помощью репрезентативных данных трёх волн обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ, 2004, 2007, 2011 гг.).

Методы анализа наступления событий (event history analysis), а именно таблицы жизни (Life Tables) и регрессии Кокса (Cox regression), позволили нам выявить, что межпоколенческое единообразие поведения при начале проживания отдельно от родителей нарушается (молодёжь теперь отделяется позже, чем это происходило раньше, у более старших поколений), а внутри каждого поколения покидание родительского дома обусловлено различными сопутствующими событиями — получением образования, выходом на рынок труда, началом сожительства с партнёром или регистрацией брака.

1 Исследование выполнено в рамках проекта № 14-05-0055 «Изучение динамики формирования и развития семей и процессов рождаемости на данных выборочных обследований» по конкурсу исследовательских проектов научно-учебных групп Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ».

Авторы статьи признательны за помощь в подготовке данного исследования руководителю научно-учебной группы НИУ ВШЭ «Изучение рождаемости, формирования, развития и распада семей на данных выборочных обследований» С. В. Захарову, а также Д. Х. Ибрагимовой и коллективу Лаборатории экономико-социологических исследований (ЛЭСИ) НИУ ВШЭ за предварительное обсуждение версии статьи на одном из семинаров лаборатории и чуткое руководство на всех этапах работы.

МИТРОФАНОВА

Екатерина Сергеевна —

младший научный
сотрудник Лаборатории
социально-
демографической
политики,

преподаватель Института
демографии НИУ ВШЭ.

Адрес: Россия, 101000,
г. Москва, ул. Мясницкая,
д. 20.

Email: [mitrofanovy@
yandex.ru](mailto:mitrofanovy@yandex.ru)

Ключевые слова: отделение от родительской семьи; жизненный путь; социально-демографическое поведение; межпоколенческие различия; поколения; анализ наступления событий.

Введение

Отделение от родителей является популярной темой современных исследований. Покидание родительского дома в европейских странах и США рассматривается как очень значимое событие в жизненном пути индивида, связанное с переходом во взрослую жизнь [Блоссфельд, Хьюинк 2006; Блюм, Себий, Захаров 2010; Buck, Scott 1993; Billari, Philipo, Baizán 2001; Corijn, Klijzing 2001; Fukuda 2009; Evans 2013]. Перспектива отделения от родителей тесно связана с образовательными и карьерными возможностями, институциональными особенностями общества, наличием жилья на рынке и его ценой [Mitchell 2000], типом семьи, силой межродственных связей внутри неё, обладанием финансовых ресурсов и с индивидуальными особенностями человека [Fukuda 2009]. В современных обществах причины перехода к отдельному проживанию от родителей уже в меньшей степени связаны с созданием собственной семьи [Van de Каа 1987]. Традиционная модель покидания родительского дома, когда проживание отдельно от родителей стимулировалось регистрацией брака, сменяется модернизированными видами поведения, когда отъезд из дома родителей объясняется как образовательной, трудовой мобильностью, так и сожительством с партнёром [Вишневский 2006].

Возраст отделения от родителей и причины отделения различаются от страны к стране [Billari, Philipov, Baizán 2001]. До начала 1970-х гг. в странах Европы возраст отделения от родителей не превышал 20 лет. После 1970-х в Германии, Франции, Италии, Англии, Дании начал расти возраст вступления в брак [Furlong 2009], в связи с чем модели поведения при отделении от родителей в разных странах стали различаться. В Северной и Западной Европе, где распространён более индивидуалистический тип поведения, отделение от родителей в большей степени связано с построением карьеры и самореализацией. В странах Южной и Центральной Европы сохраняется традиционная модель, где отделение от родителей по-прежнему связано с регистрацией брака [Billari, Philipov, Baizán 2001]. Межпоколенческое единообразие поведения при начале проживания отдельно от родителей нарушается [Fussell 2002: 42]. Данные изменения свидетельствуют об усложнении процесса отделения от родителей.

Покидание родительского дома в России — тема, вызывающая особый интерес. Он обусловлен тем, что изменения, произошедшие в экономической, социальной, политической структурах общества после распада СССР, не могли не сказаться на особенностях наступления основных демографических и социоэкономических событий [Беляева 2004: 32]. Новый этап общественного развития, который в странах Запада начался в середине 1960-х гг., в России стал проявляться на два десятилетия позже, а то и более, то есть относительно недавно [Захаров 2002]. Эти тенденции подробно описаны исследователями (см.: [Долбик-Воробей 2003; Магун, Энговатов 2005; Виш-

невский 2006; Захаров 2007; Попова 2009; Блюм, Себий, Захаров 2010; Чернова, Шпаковская 2010; Захаров, Митрофанова 2014; Тындик, Митрофанова 2014]). В России возраст вступления в брак, как и в странах Европы, повышается: с 20 лет в 1930 г. до 26 лет в 2000 г. [Захаров 2006]. Снижается доля состоящих в браке к возрасту 35 лет: с 90% в поколении 1965–1969 гг. до 75% в поколении 1975–1979 гг. [Захаров 2007]. Растёт и число незарегистрированных в ЗАГСе отношений [Захаров 2007: 102]. Период получения образования увеличивается, а доля занятых на рынке труда в возрасте 20–25 лет сокращается [Вишневецкий 2006: 68; Константиновский 2014: 283].

В связи с изменениями, которые мы можем наблюдать в российском обществе, возникает вопрос: как указанные выше процессы влияют на модель отделения от родительской семьи в России? В данной работе мы отвечаем на главный исследовательский вопрос о том, будет ли различаться модель отделения от родительской семьи для разных поколений России, и если да, то каким образом.

Изучение данного вопроса представляет, на наш взгляд, интерес с нескольких позиций. Во-первых, с точки зрения понимания общей динамики изменений, которые происходят в социально-демографическом поведении россиян в условиях Второго демографического перехода. Предположение о значимости эффекта поколения позволяет допустить, что, например, для людей, чьё взросление пришлось на послевоенное время, более экономически ресурсное и свободное, отделение от родителей будет во многом связано с выходом на рынок труда или с окончанием образования. Рассматривая четыре временных периода (околовоенный², доперестроечный, перестроечный и послеперестроечный), мы предполагаем, что институциональные условия социализации для каждого поколения обуславливали связь отделения с определённым сопутствующим событием — с завершением получения образования, выходом на рынок труда, началом сожительства с партнёром и регистрацией брака [Elder 1985; Ежов 2005].

Во-вторых, исследование межпоколенческих различий в возрасте отделения от родителей и факторов, на него влияющих, способно обогатить имеющиеся знания о взрослении и процессе покидания родительского дома в России. В настоящей работе мы предполагаем, что в России, как и во многих странах Запада, на фоне значимых демографических, экономических и социальных трансформаций условия жизни человека и новые возможности способствуют смене социально-демографического поведения. Например, размер семьи мог по-разному оказывать влияние на время отделения от родителей: в доперестроечный период возможность отдельного проживания была сильно ограничена нехваткой дополнительного жилья, существовали сильные межродственные связи и, как следствие, размер семьи мог не влиять на начало проживания отдельно от родителей; в послеперестроечное время существует больше возможностей для переезда в отдельное домохозяйство: развит строительный рынок, существуют услуги по аренде жилья, поэтому размер семьи мог стать одним из факторов, способствующих более раннему отделению от родителей.

Результаты данного исследования носят ознакомительный характер и показывают, какие межпоколенческие различия существуют при отделении от родительской семьи, как их стоит изучать в дальнейшем. В статье несколько частей: сначала сделан краткий обзор теоретических и эмпирических подходов к исследованию отделения от родителей и к изучению межпоколенческих различий; затем представлены методология и эмпирическая база, то есть описана концептуальная модель настоящего исследования. Далее с помощью регрессионного анализа мы анализируем вероятность отделения от родителей для представителей каждого поколения в возрастном интервале 15–35 лет, выявляем роль социально-демографических факторов при отделении от родителей. В завершение работы представлены основные результаты исследования и сделан вывод о межпоколенческих различиях во времени отделения от родителей и факторах, влияющих на начало проживания отдельно от родителей.

² Имеется в виду Великая Отечественная война (1941–1945 гг.).

Обзор теоретических подходов

Отделение от родителей в условиях Второго демографического перехода

Д. Ван де Каа указывает на три основных сдвига в сфере воспроизводства, обусловленных Вторым демографическим переходом [Van de Kaa 1987]: (1) изменение во времени создания семьи и в прочности брачных уз; (2) изменение контрацептивного поведения; (3) существенное снижение уровня рождаемости. Эти трансформации приводят к изменениям в календаре социодемографических событий, так как и у мужчин, и особенно у женщин появляется возможность инвестировать ресурсное время молодости не в рождение и воспитание детей, а в свой человеческий капитал. Речь идёт не о нивелировании ценности деторождения и семьи, а об откладывании этих событий до того времени, пока человек не станет готов к ним психологически и материально.

Если ранее ведущей причиной отделения от родителей выступало создание собственной семьи [Fukuda 2009: 375; Furlong 2009: 33; Mulder 2009: 205], то в условиях откладывания демографических событий в качестве выталкивающей силы стали выступать завершение получения образования, выход на рынок труда и начало совместного проживания с партнёром. Этот процесс можно наблюдать в странах, где произошёл Второй демографический переход, в том числе в Великобритании, Скандинавии, Северной Америке, Германии и Австрии [Blossfeld 1986; Aassve et al. 2001; Billari, Philipov, Baizán 2001; Corijn, Klijzing 2001]. В странах с более традиционным демографическим поведением (Греция, Италия, Испания) начиная с 1960-х гг. также стал расти возраст вступления в брак, но из-за более тесных внутрисемейных связей это повлияло лишь на увеличение времени проживания детей в родительском доме [Cordon 1997; Reher 1998; Lesthaeghe, Moors 2000; Aassve et al. 2001; Billari, Philipov, Baizan 2001; Corijn, Klijzing 2001].

Причины раннего отделения от родителей в США и Северной Европе обусловлены более индивидуалистическим типом поведения. Чтобы достичь максимального конкурентного преимущества на рынке труда и обрести финансовую независимость, необходимо получить соответствующее образование, что требует времени [Iacovou, Skew 2010]. Часто отделение от родителей в странах Европы происходит до окончания получения высшего образования, что связано с образовательной мобильностью, которая в большей степени популярна в странах Северной Европы, например, в Швеции и Великобритании, где 55% молодых людей и 72% девушек уезжают от родителей в связи с учёбой [Billari, Philipov, Baizán 2001].

Подробную классификацию причин отделения от родителей в странах Европы представили Ф. Биллари и его коллеги в исследовании «Leaving Home in Europe: The Experience of Cohorts Born in 1960» («Покидание родительского дома в Европе: опыт представителей когорт 1960–х гг. р.»³) [Billari, Philipov, Baizán 2001]. Исследователи выделили следующие модели отделения от родителей: «средиземноморская», которая связана с заключением брака; «северная», осуществляемая одновременно с выходом на рынок труда; «британская», зависящая от поступления в университет, поскольку в Англии очень развита практика обучения в университетах-кампусах. В большинстве из рассмотренных в исследовании Ф. Биллари стран существуют различные взгляды на то, когда должно происходить отделение от родителей и в связи с какими событиями. Однако в целом современная молодёжь покидает родительский дом гораздо позже, чем это делали их родители [Knijn 2012: 106]. В среднем респонденты, рождённые в 1970–1979-х гг., после окончания учёбы покидали родителей позднее, чем те, кто ро-

³ Выборочную совокупность исследования составили мужчины и женщины 1956–1965 гг. р. из следующих европейских стран: Австрии, Бельгии, Чешской Республики, Восточной Германии, Финляндии, Франции, Венгрии, Италии, Латвии, Литвы, Нидерландов, Норвегии, Польши, Португалии, Словении, Испании, Швеции, Швейцарии, Великобритании, Западной Германии.

дился в 1960-х гг.; при этом женщины начинали жить отдельно на два года раньше мужчин [Iacovou, Skew 2010]. Важной причиной позднего отделения от родителей в странах Южной Европы является ценность большой многопоколенческой семьи и помощь родственников друг другу, чего нельзя сказать о Северной Европе, где нуклеарная семья вытеснила традиционный тип родственных отношений [Reher 1998]. В связи с этим тип семьи во многом оказывает влияние на то, когда происходит отделение от родителей. Таким образом, отделение от родителей зависит от культурно-исторических особенностей страны, системы образования, ситуации на рынке труда, модели матримониального поведения [Lesthaeghe, Moors 2000].

Говоря о специфике Второго демографического перехода в России, стоит заметить, что он начался на 20–30 лет позже, чем в странах Европы. На протяжении долгого периода для российского общества была характерна ранняя брачность, и создание семьи происходило преимущественно до 25 лет. Но, как отмечает А. Г. Вишневский, изменения, которые произошли на Западе (индивидуализация, ориентация на карьеру и самореализацию, расширение свободы выбора и откладывание брака на поздний срок), в последние десятилетия наблюдаются и в России [Вишневский 2006: 137]. Проанализировав время отделения от родительской семьи в разных странах и связь такого решения с различными социально-демографическими событиями в жизни человека, А. Г. Вишневский отметил, что выход из родительского дома во многом зависит от степени индустриализации страны и индивидуализации жизни её граждан. Если расположить страны по времени выхода из родительской семьи и степени индустриализации, то первыми идут страны Северной Европы, в том числе Скандинавского полуострова, и Западной Европы, затем страны Южной Европы, где всё ещё сохраняется традиция проживания в родительском доме до брака; самую низшую ступень классификации занимают страны Восточной и Центральной Европы [Вишневский 2006: 143]. Из-за того что демографическое поведение россиян стало модернизироваться на несколько десятилетий позже, мы предполагаем, что Россия пока ещё принадлежит к последней группе стран в данной классификации.

Отделение от родителей как событие жизненного пути

Одной из важных теоретических рамок данной работы, помимо теории Второго демографического перехода, является концепция жизненного пути, уже много лет успешно развиваемая зарубежными социологами и демографами [Elder 1985; Mitchell 2000; Furlong 2009].

Концептуально жизненный путь — это последовательность состояний, переходов, создаваемая индивидом в ходе его жизни [Блоссфельд, Хьюинк 2006: 17], «последовательность действий и событий в различных сферах жизни и в институционализированных полях деятельности» [Митрофанова 2011: 527]. Жизненный путь представляет собой комплексный процесс, поскольку на него влияет как сам человек, исходящий из своего личного опыта и взглядов, так и социокультурное, историческое пространство.

Большое внимание в концепции жизненного пути уделяется процессу перехода индивида во взрослую жизнь (*transition to adulthood*) [Furstenberg 2010]. Общая тенденция для развитых стран такова, что календарь наступления событий в жизни человека сдвигается. Об этом начиная с 1980-х гг. писал Дж. Арнетт, который ввёл термин *emerging adulthood*, то есть «длящееся взросление». Данный этап в жизни человека следует за подростковым периодом и предшествует обретению статуса взрослого [Arnett 2000: 469]. Важнейшими событиями этого этапа жизни являются (1) получение образования, (2) трудоустройство, (3) сожительство с партнёром, (4) регистрация брака, (5) отделение от родителей, (6) рождение ребёнка [Elder 1985; Блюм, Себий, Захаров 2010; Тындик, Митрофанова 2014]. В рамках данного исследования мы сосредоточимся на влиянии первых четырёх событий на начало проживания отдельно от родителей. Рождение ребёнка не рассматривается, поскольку может быть реализовано до

статочно поздно и в меньшей степени склонно оказывать влияние на переезд из родительского дома [Блоссфельд, Хьюинк 2006: 18].

Проживание отдельно от родителей может как способствовать наступлению других событий в жизни человека (отделение выступает «донором»), так и стимулироваться их наступлением (отделение выступает «реципиентом»). Донорскую сущность переезд от родителей проявляет, когда наступление этого события даёт старт, например, получению образования или выходу на рынок труда. Отделения-реципиенты, напротив, происходят благодаря другим событиям, например, устроившись на работу и получив экономическую независимость, либо выйдя замуж (женившись), индивид получает возможность переехать от родителей.

При отделении от родителей индивид приобретает не только территориальную, но финансовую и психологическую автономию [Mitchell 2000]. При этом физическая автономность не всегда означает полную независимость от родительского контроля, поскольку родители могут влиять на своих детей, поддерживать их материально, даже если проживают отдельно. Наличие психологической автономности может являться следствием сильных или слабых связей внутри семьи, близости общения. Три типа автономий от родительской семьи, которые индивид приобретает в результате отдельного проживания, говорят о том, что на данное событие может влиять большое количество факторов, в том числе структура общества, принятые нормы, а также индивидуальные особенности человека [Mitchell 2000; Mulder 2009].

Отделение от родителей, как и все события в жизненном календаре индивида, зависит от исторического периода и социальных условий, которые различаются для представителей разных когорт [Ryder 1965]. Для того чтобы определить, как индивидуальные и структурные процессы взаимодействуют между собой и влияют на начало проживания отдельно от родителей, стоит также рассмотреть теорию поколений К. Мангейма [Mannheim 1952] и варианты её применения к российской действительности.

Межпоколенческий аспект начала проживания отдельно от родителей

Каждое событие жизненного пути несёт след тройственности времени в демографии, аккумулируя эффекты возраста, периода и когорты [Shorrocks 1975]. В данном исследовании влияние периода носит латентный характер, так как мы рассматриваем этап взросления, который у разных поколений проходил в разное историческое время, но переменных для контроля эпохи (то есть макропоказателей политического, социального, экономического уровней) у нас нет. Влияние возраста при изучении событий, входящих в круг наших интересов, практически отсутствует, поскольку отделения от родителей у индивидов происходят примерно в одном возрастном промежутке. Сильнее всего в данном исследовании проявляется эффект когорты, который мы расширим до межпоколенческого и латентно учитывающего эффект периода (культурно-исторический контекст).

Термин «поколение» шире, чем понятие «когорты». Когорта (демографическое понятие) — это совокупность индивидов, которые родились в один год. Поколение (социологическая интерпретация понятия «когорты») — группа людей, родившихся в одном временном периоде, прошедших социализацию в одном историческом периоде, имеющих схожее мировосприятие и поведение. В отечественной литературе нет единства в операционализации термина «когорты» [Беляева 2004]. Понятие «поколение» — это настраиваемый инструмент. В зависимости от задач и сферы приложения, границы и длина (шаг) поколения могут быть самыми разными: если мы рассматриваем поколение применительно к воспроизводственному поведению, уместно взять интервал, равный среднему возрасту матери при рождении ребёнка; если нас интересует социокультурная перспектива, шаг будут задавать важные исторические события [Левада 2005: 41–44]; если социопсихологическая — периоды социализации

(примерно 15 лет) [Шанин 2005: 20]. Наше исследование лежит в социодемографической плоскости, поэтому необходима классификация, учитывающая влияние исторических условий в период социализации индивидов.

Обратимся к классификации В. В. Семёновой, в которой поколения россиян сгруппированы на основе схожести условий социализации и собственной интерпретации индивидами своих жизненных историй [Семёнова 2005]. Были выделены четыре поколения:

- *«околовоенное» поколение* (годы рождения: 1920–1940; годы социализации: 1940–1960). Это люди, социализация и взросление которых проходили в послевоенные годы. Они принимали активное участие в восстановлении народного хозяйства страны после войны, повышении её промышленного уровня. Представители этой группы перенесли тяготы военного времени, что не могло не отразиться на событиях в их жизни. «Важной составляющей на протяжении всей жизни для них является трудовая культура, для них труд — образ жизни» [Семёнова 2005: 92]. При этом характер труда был малоквалифицированный, индустриальный. Высшее образование имело малую значимость. Нравственным считался только зарегистрированный брак; отношения вне брака порицались. В 1944 г. усложнилась процедура развода, поэтому браки расторгались реже, а институт семьи в большой степени контролировался государством;
- *«доперестроечное» поколение* (годы рождения: 1940–1960; годы социализации: 1960–1980). Эпоха «бэби-бума» и романтизации любовных отношений. Регистрация брака, как и в предыдущем периоде, официально оформляла сексуальные отношения, которые порицались вне семьи. У представителей данной группы сильно выражена тяга к учёбе и новым открытиям. Стаж, возраст, опыт во многом определяли материальное благополучие в советских поколениях. Действовал кумулятивный эффект повышения жизненного уровня [Беляева 2004], поэтому экономические ресурсы в основном концентрировались вокруг старших возрастных групп, которые поддерживали молодёжь до того момента, пока она не накопит нужный «капитал»: плановая экономика не давала возможности добиться сразу высокого дохода для молодых, так как он не зависел от интенсивности труда [Семёнова 2005];
- *поколение «переходного» периода* (годы рождения: 1960–1970; годы социализации: 1990-е). Для этих людей характерен «синдром ностальгии по прошлому» [Семёнова 2005: 100]. Ориентация на образование уже не такая высокая, но при этом заметна более активная позиция в области рыночных отношений и труда, которые приходили на смену советской плановой экономике. Новые рыночные возможности быстрее улавливаются молодыми, они становятся активнее на рынке труда, но при этом ориентируются на «быстрые деньги». Происходит демократизация интимных отношений, средства контрацепции разделяют сексуальное, брачное и репродуктивное поведения, общество становится более терпимым к добрачным связям. Поведение во всех сферах жизни становится более индивидуалистичным;
- *«послеперестроечное» поколение* (годы рождения: 1980-е; годы социализации: 2000-е). Это представители времени модернизации общества, открытия его границ, увеличения возможностей и свобод. Качественное образование в новых условиях становится для нового поколения самоцелью. Однако молодые люди не спешат начинать трудовую деятельность, а хотят посвятить время собственному развитию, получению удовольствия от жизни и поиску себя. Это «поколение прагматиков, лишённых социальной памяти, свободное от идеологических ограничений» [Левада 2005: 59]. Появляется свобода в сфере интимных отношений, что увеличивает долю сожительства по сравнению с предыдущими периодами. Доступная контрацепция позволяет регулировать наступление репродуктивных событий в жизни и лучше плани-

ровать будущее. Образование, работа, брак — эти события начинают конкурировать между собой в зависимости от того, какое из них является более значимым в определённый момент времени.

Приведённая классификация даёт представление о ключевых ценностях поколений и их поведении в демографической и социоэкономической сферах. Поскольку в выборочной совокупности настоящего исследования поколенческий ряд представлен не столь широко (1930–1986 гг. р.), мы сформируем поколенческие группы по году рождения самостоятельно, сохранив при этом общую логику классификации Семёновой, в основе которой лежит схожесть условий социализации представителей одного временного периода. Из имеющейся выборки под наблюдение попали четыре поколения 1930–1986 гг. рождения (см. табл. 1).

Таблица 1

Поколения в выборке, N = 5451

Классификация В. В. Семёновой Поколения	Классификация в настоящем исследовании		
	Годы рождения	Годы социализации	Численность, %
«Околовоенное» (годы рождения: 1920–1940; годы социализации: 1940–1960)	1930–1944	1945–1959	21
«Доперестроечное» (годы рождения: 1940–1960; годы социализации: 1960–1980)	1945–1959	1960–1974	32
«Перестроечное» (годы рождения: 1960–1970; годы социализации: 1980–1990)	1960–1974	1975–1989	32
«Послеперестроечное» (годы рождения: 1980-е; годы социализации: 2000-е)	1975–1986	1990–2005	15

Основные задачи и гипотезы исследования

Наш главный тезис заключается в том, что возраст отделения от родителей подвержен влиянию как социально-демографических характеристик индивида, так и институциональных условий, в которых проходит социализация представителя каждого поколения.

В рамках настоящей работы предполагается решить следующие задачи:

- определить момент времени, когда вероятность отделения от родителей наиболее высока в каждом поколении;
- определить, с какими событиями связано отделение от родителей;
- определить факторы, повышающие вероятность отделения от родителей для каждого поколения.

Для конкретизации поставленных задач мы выдвинем ряд гипотез и опишем предполагаемые эффекты воздействия потенциальных факторов, которые нам удалось выделить на основе вышеизложенных теоретических подходов и проанализированных эмпирических исследований по заданной теме.

***Гипотеза 1 (Г 1).** Вероятность отделения от родителей для самого молодого поколения в выборке — «послеперестроечного» (1975–1986 гг. р.) — будет ниже, чем для других поколенческих групп.*

О том, что вероятность отделения от родителей в разрезе поколений уменьшается, свидетельствуют многие зарубежные исследования [Billari, Philipov, Baizán 2001; Iacovou, Skew 2010; Knijn 2012]. Так как в России отмечаются тенденции, характерные для Второго демографического перехода, есть основания предполагать, что и в нашей стране можно наблюдать снижение вероятности отделения от родителей в молодых возрастах по мере приближения к самому молодому поколению в выборке — «послеперестроечному» (1975–1986 гг. р.).

Гипотеза 2 (Г 2). *Во всех поколенческих группах женщины начинают жить отдельно от родителей раньше, чем мужчины.*

Существуют значительные гендерные различия в том, когда происходит отделение от родителей: во многих странах женщины начинают жить отдельно на один-два года раньше мужчин [Buck, Scott 1993; Billari, Liefbroer 2007]. Это во многом объясняется тем, что женщины чаще покидают родительский дом в связи с браком, регистрация которого происходит также в более раннем возрасте, чем у мужчин. Поскольку изменения в демографическом поведении россиян начали происходить позже, чем в странах Европы, этот дисбаланс может сохраниться во всех поколениях.

Гипотеза 3 (Г 3). *Проживание в мегаполисе до 15 лет (Москва, Санкт-Петербург) способствует более позднему отделению от родителей.*

Небольшие города, сёла имеют ограниченные возможности для обучения и трудоустройства [Zorlu, Mulder 2011], поэтому определённая часть их жителей будет покидать родительский дом в связи с трудовой и образовательной мобильностью. Также для небольших, сельских, населённых пунктов характерно более традиционное демографическое поведение, что также может способствовать раннему отделению от родительской семьи.

Гипотеза 4 (Г 4). *Наличие братьев и сестёр способствует более раннему отделению от родителей в постсоветских поколениях.*

В исследовании о начале отдельного проживания в Японии, где, как и в России, существуют крепкие межродственные связи, было зафиксировано, что в поколениях до 1960-х гг. число сибиллингов (братьев, сестёр) никак не влияло на время отделения от родителей. А в настоящее время вероятность отделиться от родителей тем выше, чем больше размер семьи [Buck, Scott 1993; Mitchell 2000; Fukuda 2009].

Гипотеза 5 (Г 5). *Для представителей «околовоенного» (1930–1944 гг. р.) и «перестроечного» (1960–1974 гг. р.) поколений отделение от родителей в большей степени связано с выходом на рынок труда.*

Два разных поколения, начинавших трудовую деятельность в разных условиях, схожи в довольно раннем и активном начале работы. В первом случае («околовоенное» поколение) это объясняется политикой государства по индустриализации страны и общей трудовой мобилизацией в послевоенное время, во втором («перестроечное» поколение) — новыми рыночными условиями и желанием заработать «быстрые деньги» [Семёнова 2005].

Гипотеза 6 (Г 6). *Для представителей «доперестроечного» поколения (1945–1959 гг. р.) отделение от родительской семьи происходит в связи с регистрацией брака.*

Связанность матримониального, репродуктивного и сексуального поведения в советское время [Вишневецкий 2006: 73; Митрофанова 2011], а также возможность получения жилья при рождении ребёнка делали демографические события главным катализатором отделения индивидов от родителей.

Гипотеза 7 (Г 7). Для представителей «послеперестроечного» поколения (1975–1986 гг. р.) отделение от родительской семьи в большей степени связано с сожительством с партнёром, чем в других группах.

Всё более популярными тенденциями среди молодёжи становятся распространение незарегистрированных отношений как альтернативы официальному вступлению в брак и более поздние браки [Гурко, Игнатова 1997: 51; Козырева, Лежнина 2014: 192]. Регистрация брака в России откладывается на более поздний срок и всё чаще заменяется сожительством [Долбик-Воробей 2003; Вишневецкий 2006: 141; Захаров 2007: 75–112]. Сожитительство, являющееся пробой брака или его альтернативой, часто подразумевает переезд от родителей в своё либо в съёмное жильё. Это новая для России тенденция, которой не было в предыдущих поколениях вследствие порицания добрачных и внебрачных отношений.

Информационная база исследования, измерение и методы анализа

База данных

В качестве эмпирического материала для анализа использовались панельные данные трёх волн обследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе» (РиДМиЖ), которое было проведено Независимым институтом социальной политики в России в 2004, 2007, 2011 гг. РиДМиЖ — первое российское исследование, которое позволяет проанализировать последовательность наступления социально-демографических событий в жизни человека и отдельных групп [Захаров 2007: 105]. «Обследование РиДМиЖ входит в программу “Поколение и гендер”, которая, в свою очередь, является частью европейского исследования, проходившего в 20 странах Европы с целью выявления изменений и новых тенденций в социальной и демографической сферах» [Синявская, Тындик 2009: 14]. «Выборочная совокупность в обследовании является в полной мере репрезентативной с точки зрения структуры населения России, и она не была стратифицирована по возрастным группам» [Головляница, Синявская 2009: 331–333].

Из объединённого массива трёх волн использовались панельные данные по состоянию на 2011 г. Объём выборки — 5451 человек. Гендерное распределение в выборке оказалось смещённым: 32% мужчин и 68% женщин. Поскольку мы работаем с панельными данными, то не можем провести процедуру корректировки выборки, так как имеются лишь веса для каждой волны в отдельности.

Концептуализация, операционализация основных понятий и ограничения исследования

Начало отдельного проживания от родителей изучается в рамках теории жизненного пути (*life course*) и взросления (*transition to adulthood*) [Furstenberg 2010]. Отделение от родителей является ключевым при исследовании начала самостоятельной жизни молодыми людьми [Mitchell 2000; Goossens 2001; Fussell 2002]. Возникает вопрос: что стоит понимать под началом самостоятельной жизни, и в какой мере отделение от родителей может служить индикатором начала самостоятельной жизни?

Отделение от родителей включает три вида автономии — территориальную, материальную и психологическую, с обретением которых можно говорить о начале самостоятельной жизни индивидом [Mitchell 2000]. Территориальная автономия подразумевает физический переезд от родителей в отдельное домохозяйство; материальное отделение означает финансовую независимость, то есть полное самообеспечение; психологическое отделение — ослабление эмоциональной, психологической зависимости от родителей. В совокупности три вида отделения способны служить маркером начала самостоятельной жизни индивидом. Зачастую наступление трёх видов автономий не происходит одно-

временно: (1) физическое отделение от родителей может быть реализовано при полной материальной и психологической зависимости от них, например, если причина отделения — образовательная мобильность; (2) психологическая, или эмоциональная, автономия не всегда наступает после физического отделения от родителей, поскольку межсемейные крепкие связи и контакты во многом оказывают воздействие на поведение молодых людей; (3) материальное отделение может быть реализовано, несмотря на проживание в домохозяйстве родителей. Различные комбинации наступления отделения от родителей существенно осложняют процесс его изучения. Несмотря на «многоликость» отделения от родителей как события в жизни человека, под отделением в теории жизненного пути стоит понимать именно физическую автономию от родителей, то есть начало проживания в отдельном домохозяйстве [Buck, Scott 1993; Mitchell 2000; Aassve et al. 2001; Billari, Philipov, Baizán 2001]. Физическое отделение от родителей — первый шаг на пути становления личности и начала самостоятельной жизни отдельно от родителей, несмотря, например, на финансовую зависимость от них. Для содержательной интерпретации отделения, то есть объяснения причин его наступления, изучение данного события проводится вместе с уже отмеченными ранее событиями: получение образования, выход на рынок труда, начало сожительства с партнёром и регистрация брака [Elder 1985; Mitchell 2000; Mulder 2009]. Их наступление оказывает непосредственное влияние на вероятность начала отдельной от родителей жизни и служит объяснением физического отделения от родителей.

Данная работа не претендует на комплексное изучение всего периода взросления индивида, то есть всех трёх видов отделения от родительской семьи. В силу существования вышеизложенных особенностей при изучении отделения от родителей и ограниченности используемых данных мы будем уделять внимание именно территориальному аспекту отделения от родительской семьи, поскольку знаем точную дату наступления данного события, тогда как факты обретения финансовой и психологической независимости установить в данном случае не представляется возможным. Факт отделения от родителей будет фиксироваться при условии проживания индивида в другом домохозяйстве не меньше трёх месяцев подряд, так как вопрос в анкете РидМиЖ подразумевал именно такие временные границы. При этом мы будем отслеживать только факт первичного отделения от родителей, поскольку информация о возвращении в дом родителей и повторных отделениях в анкете обследования отсутствует. Нет информации о том, в каком именно домохозяйстве — в собственном, других родственников, совместно с партнёром — стал жить респондент, не представляется возможным отследить и характер отделения (принудительное или добровольное). Более того, ограничены уровни изучения проблемы: мы располагаем только информацией о датах наступления событий, рядом сведений о родительской семье и индивидуальных характеристиках респондентов. В анкете присутствуют вопросы о ценностно-нормативных ориентациях, но использовать их в данной работе некорректно, так как они отражают позицию человека на момент проведения опроса, а не на момент отделения от родителей.

Чтобы уравнивать шансы разных поколений на отделение от родителей, мы ограничили возраст отделения рамками 15–35 лет. Нижняя возрастная граница была выбрана в связи с тем, что в настоящее время граждане России в 14 лет получают паспорта, имеют право официально трудоустроиться и даже заключить брак в ряде исключительных случаев. К возрасту 15 лет молодые люди могут получить среднее профессиональное образование и трудоустроиться по специальности. Психологическое взросление, связанное с появлением всех этих возможностей в жизни индивида, способно дать толчок желанию физической автономии от родителей, поэтому в качестве нижней границы мы берём 15-летие как возраст, начиная с которого молодые люди фактически готовы к самостоятельной жизни в условиях нашей страны. Верхняя возрастная граница была выбрана на основе предыдущих эмпирических исследований отделения от родителей [Billari, Liebroer 2007; Fukuda 2009], а также исходя из структуры выборочной совокупности и распределения возрастов наступления ключевых событий.

Поскольку в работе используется информация о наступлении сопутствующих событий в жизненном пути для представителя каждого поколения (завершение получения образования, выход на рынок труда, начало сожительства с партнёром и регистрация брака), возраст наступления данных событий мы также ограничили интервалом в 15–35 лет. Под завершением получения образования понимается любой уровень образования, являющийся для конкретного респондента наивысшим. В качестве первой работы подразумевается первая оплачиваемая занятость сроком не менее трёх месяцев. Под сожительством — совместное проживание с партнёром без регистрации отношений в ЗАГСе.

Методы исследования

Для решения каждой задачи исследования используется свой арсенал методов.

В рамках решения **первой задачи** (определить, в каком возрасте вероятность отделения от родителей наиболее высока в каждом поколении) были построены таблицы жизни. Таблица жизни (смертности, выбытия) — это математическая модель, характеризующая порядок выбытия индивидов из-под наблюдения. Она показывает долю отделившихся респондентов из числа живущих с родителями в каждый год с 15 до 35 лет для каждого поколения. По величине доли отделившихся в каждый год после 15-летия можно сказать, когда вероятность отделения от родителей наиболее высока в каждом поколении.

Решение **второй задачи** (определить, с какими событиями связано отделение от родителей) выполняется путём вычисления коэффициентов корреляции между возрастом наступления отделения от родительской семьи и возрастными наступлениями сопутствующих событий в жизненном пути индивида (то есть завершения получения образования, выход на рынок труда, начало сожительства с партнёром и регистрация брака).

Третья задача (определить факторы, повышающие вероятность отделения от родителей для каждого поколения) была решена с помощью построения регрессий Кокса в рамках метода «анализ наступления событий» (*event history analysis*) [Кокс, Оукс 1988]. Это полупараметрический метод, который позволяет определить вероятность наступления события, фиксируя прошедшее количество времени от заданной даты до наступления наблюдаемого события (в данном случае от 15-летия до наступления отделения) [Бурдяк 2007]. Поскольку мы имеем дело с временной переменной, то для изучения факторов, влияющих на вероятность отделения от родителей, подходит именно данный метод. В ситуации цензурированных данных, то есть когда событие не успело произойти в рассматриваемый промежуток времени, в качестве даты наступления события берётся окончание опроса, но при этом факт его наступления будет равен «0», иначе говоря, «событие не наступило» [Кокс, Оукс 1988].

В качестве **зависимой переменной** выступает факт наступления отделения с 15 до 35 лет. При наличии данного события у респондента фиксируется количество лет, прошедших от 15-летия до наступления отделения от родителей.

В таблице 2 представлены **факторы (предикторы)**, которые были включены в модель. Изначально в модели также были включены такие переменные, как наличие высшего образования у родителей, характер отношений между родителями и проживание в полной семье до 15 лет. Но эти переменные оказались незначимы в моделях.

Были построены пять регрессий Кокса. Качество всех моделей высокое ($p < 0,05$). Общая модель для всей выборки даёт возможность проследить влияние эффекта поколения на время отделения от родительской семьи. Регрессия для каждого из четырёх поколений в отдельности даёт представление о силе влияния факторов для представителей каждой поколенческой группы.

Таблица 2

**Предикторы в регрессиях Кокса
при изучении отделения от родительской семьи**

Переменная	Категории переменной	Вид переменной
Принадлежность к поколению	1975–1986 гг. р. 1930–1944 гг. р. 1945–1959 гг. р. 1960–1974 гг. р.	Номинальная (категориальная)
Пол	Мужской Женский	Номинальная
Регион проживания до 15 лет	Другие города Мегаполисы*	Номинальная
Наличие братьев, сестёр	Нет братьев и сестёр один, двое, трое и больше	Порядковая
Окончание образования наивысшего уровня Первый выход на рынок труда Первое сожителство с партнёром Первый зарегистрированный брак	Количество лет от 15 лет до наступления события	Количественная

* К мегаполисам мы отнесли Москву и Санкт-Петербург.

Результаты анализа

Характеристика выборочной совокупности

Из 5451 респондента, попавшего под наблюдение, в возрасте 15–35 лет родительский дом покинули 4850 человек, то есть 89% выборки. Распределение средних возрастов отделения от родителей в интервале 15–35 лет представлено на рисунке 1.

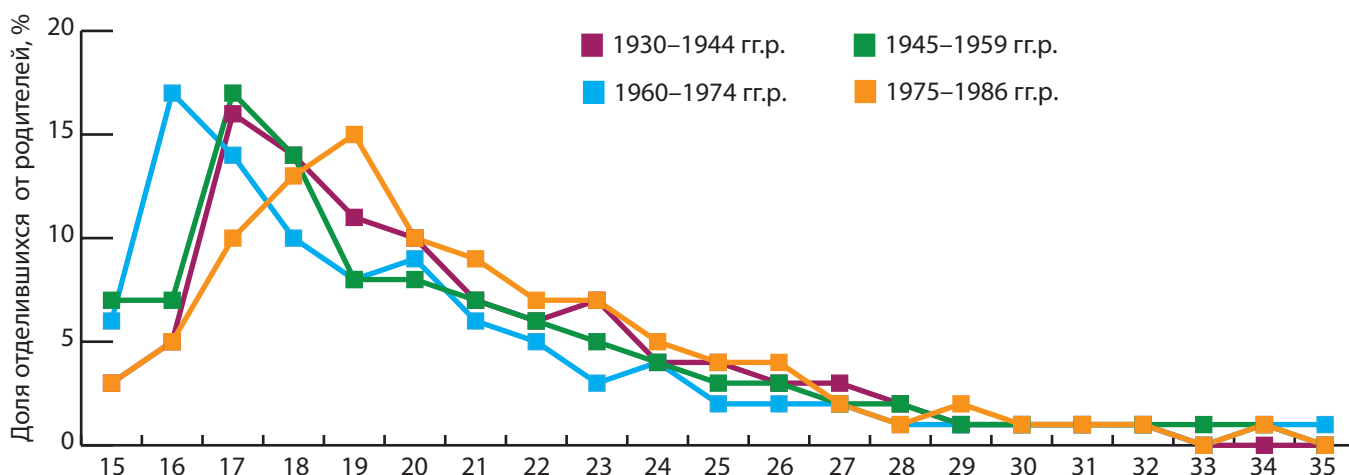

Рис. 1. Распределение возрастов отделения от родительской семьи (от 15 до 35 лет) в разрезе поколений, N = 4850

Для поколений 1945–1959 гг. р. и 1975–1986 гг. р. 17-летие является пиковым возрастом для отделения. Для поколения 1930–1944 гг. р. такой пик приходится на 20 лет, а для поколения 1960–1974 гг. р. — на 16 лет. Если кривые для двух наиболее пожилых поколений после пиков убывают довольно монотонно,

то на кривых, отображающих возраст отделения молодых поколений, заметно ещё несколько небольших пиков: для поколения 1960–1974 г. р. это 20 лет; для самых молодых — пики в окрестностях 20, 23 и 25 лет. Эти наблюдения говорят о том, что респонденты, социализировавшиеся в советское время, стремились к «среднему», «нормальному» поведению и старались вести себя так же, как сверстники. Современные же поколения демонстрируют разнообразие, рассогласованность в возрасте отделения от родителей, что может говорить о большей ориентации на себя, на свой круг общения, на референтную группу.

В целом мужчины покидают родительский дом на один-два года позже, чем женщины. В поколении 1960–1974 г. р. («перестроечное») заметен самый низкий средний возраст отделения на рассматриваемом промежутке — 19 лет. В «околовоенном» поколении 1930–1944 г. р. этот показатель составил 22 года, а в поколениях 1945–1959 г. р. («доперестроечное») и 1975–1986 г. р. («послеперестроечное») средний возраст отделения был одинаковым — 20 лет.

Поскольку мы ограничили наступление отделения от родителей 15–35 годами, то и остальные события мы подвергли такому же ограничению. В качестве важных социоэкономических и демографических событий жизненного пути мы взяли окончание получения образования наивысшего уровня, первое трудоустройство, первые незарегистрированные отношения с совместным проживанием партнёров и первый зарегистрированный брак. Ранее было объяснено, почему именно эти события являются значимыми при переходе во взрослую жизнь. В таблице 3 представлены доли респондентов в каждом поколении, у которых рассматриваемые события произошли в возрасте 15–35 лет.

Таблица 3

Доля событий, наступивших в возрасте 15–35 лет, % (N = 5451)

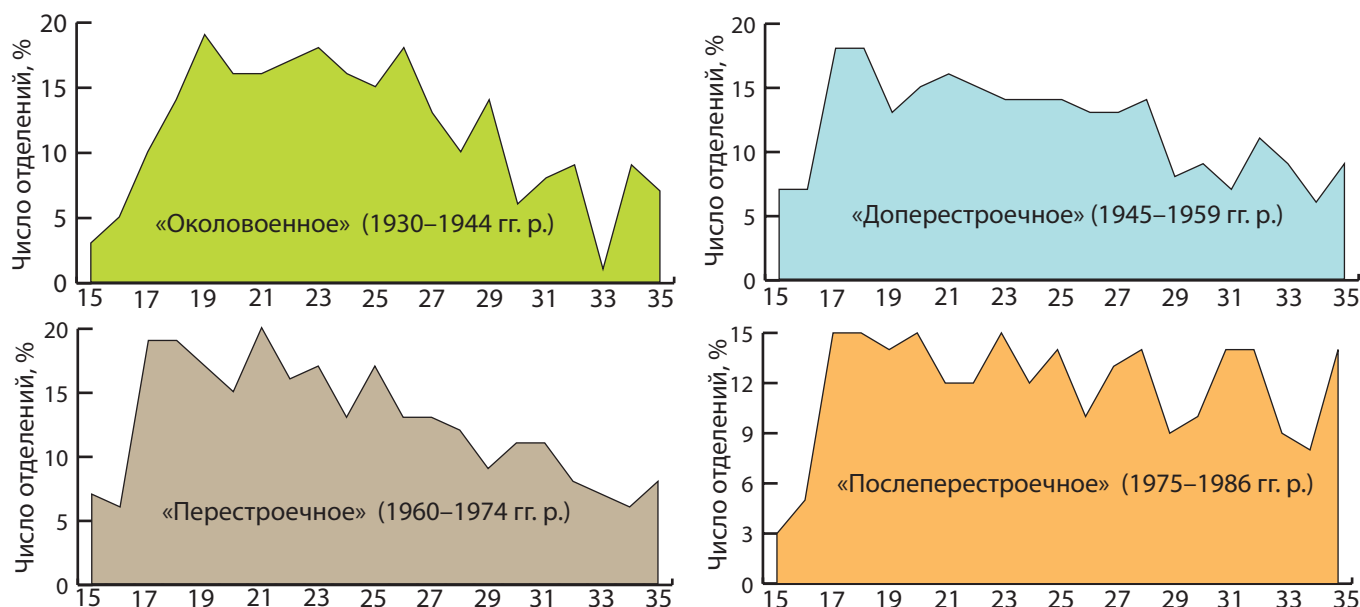
Событие	Поколения			
	«Околовоенное», 1930–1944 г. р.	«Доперестроечное», 1945–1959 г. р.	«Перестроечное», 1960–1974 г. р.	«Послеперестроечное», 1975–1986 г. р.
Отделение от родителей	89	90	91	83
Окончание образования наивысшего уровня	79	95	96	99
Первый выход на рынок труда	86	98	97	95
Первое сожителство с партнёром	21	28	40	46
Первый зарегистрированный брак	86	88	86	57

Из таблицы 3 видно, что отделение от родителей, получение образования, трудоустройство на первую работу были осуществлены более чем 90% респондентов в возрасте 15–35 лет. Доля сожительств возрастает по мере приближения к молодым поколениям, в то время как доля состоящих в браке значительно падает. Для молодёжи брак становится всё менее популярным и всё чаще заменяется сожительством без регистрации в ЗАГСе.

Возраст отделения от родителей в разрезе поколений

В рамках первой задачи мы установили момент времени, когда вероятность отделения от родителей наиболее высока в каждом поколении. На рисунке 2 представлены графические результаты построения

таблиц жизни, а именно доли отделившихся респондентов из числа живущих с родителями в каждый год после 15-летия. Наибольшие значения этого показателя различаются в рассматриваемых четырёх поколениях: больше всего респондентов, относящихся к «околовоенному» поколению, отделилось в 19 лет, относящихся к «доперестроечному» — в 18 лет, к «перестроечному» — в 21 год, к «послеперестроечному» — в 23 года.

Примечание. Статистические различия по тесту Вилконсона (Гехана) значимы на уровне доверия 95%.

Рис. 2. Распределение доли отделившихся от родителей на каждом году жизни, начиная с 15 лет и заканчивая 35 годами, %

На рисунке 2 видно, что геометрические площади, образованные под кривыми, очень разные для разных поколений. Если в советских поколениях максимум площади приходится на первые 3–12 лет после 15-летия, а затем наблюдается резкое снижение кривой и площади под ней, то для самого молодого поколения площадь под всей кривой, начиная с двух лет, будет практически одинаковой (линия тренда практически горизонтальная). Это говорит о том, что в молодом поколении происходит рассредоточение возрастов отделения от родителей.

Связь отделения и сопутствующих событий

Коэффициенты корреляции между отделением от родителей и каждым из других значимых событий представлены в таблице 4.

Для «околовоенного» поколения отделение от родителей в большей степени связано с выходом на рынок труда (на 23%) и регистрацией брака (на 20%). Для «доперестроечного» поколения сохраняется та же тенденция, что и в предыдущей группе, однако начинает быть значима связь отделения и получения образования (16%). Отрицательную связь возраста наступления сожительства и отделения можно объяснить тем, что сожительство в данной группе могло выступать в качестве аналога второму браку в более старших возрастах. Однако, так как практика разводов не была распространена в СССР [Семёнова 2005], сила связи при данном коэффициенте очень мала. В «перестроечном» поколении резко возрастает связь отделения и получения образования (до 25%), но связь отделения и выхода на рынок труда больше (27%). Для самого молодого поколения отделение от родителей сильнее всего связано с получением образования (31%), с выходом на рынок труда (28%) и только потом — с регистрацией брака (26%). Молодёжь больше времени уделяет образованию и карьере, и отделение от родителей на-

чинает коррелировать именно с этими событиями. Примечательно то, что в данной группе отделение от родителей начинает быть связанным со стартом незарегистрированных отношений, а не с браком.

Таблица 4

Степень связи между возрастом отделения от родителей и возрастом наступления остальных событий

Возраст события	Возраст отделения от родителей			
	Поколения			
	«Около-военное», 1930–1944 гг. р. (N = 1117)	«Доперестроечное», 1945–1959 гг. р. (N = 1768)	«Перестроечное», 1960–1974 гг. р. (N = 1735)	«Послеперестроечное» 1975–1989 гг. р. (N = 831)
Окончание образования наивысшего уровня	0,624	0,160*	0,250*	0,310*
Первый выход на рынок труда	0,230*	0,220*	0,270*	0,280*
Первое сожителство с партнёром	0,068*	– 0,045*	0,005	0,210*
Первый зарегистрированный брак	0,200**	0,200**	0,180**	0,260*

** Корреляция значима на уровне 0,05.

* Корреляция значима на уровне 0,1.

Также мы рассмотрели разницы во времени наступления событий (в месяцах) и выяснили следующее:

- выход на рынок труда предшествует отделению от родителей у 55% респондентов «околовоенного» поколения и у 48% «доперестроечного»; для «перестроечного» и «послеперестроечного» поколений отделение от родителей происходит позже выхода на рынок труда: 48 и 46% соответственно;
- во всех поколениях получение образования происходило после отделения от родителей, но в «доперестроечном» поколении этот показатель выше всего (52%);
- у представителей «послеперестроечного» поколения отделение от родительской семьи в большей степени совпадает с сожителством, чем в других поколенческих группах;
- во всех поколениях, кроме самого молодого, брак больше чем в 50% случаев наступает после отделения.

Проанализировав связь отделения с сопутствующими событиями, стоит отметить, что по мере приближения к более молодому поколению отделение от родителей начинает быть связанным больше с социально-экономическими событиями (завершение получения образования и выход на рынок труда), нежели с матримониальными (создание семьи).

Влияние факторов, включённых в модель, на время отделения от родителей

Результаты построения пяти регрессий Кокса отображены в таблице 5. Для каждого предиктора представлены его значимость в модели и регрессионный коэффициент. Мы поместили в одну таблицу переменные для всех моделей, чтобы иметь возможность сравнить влияние факторов в разных поколениях.

Таблица 5

Регрессионные модели Кокса для отделения от родительской семьи в возрасте 15–35 лет

Предикторы модели	Модель 1 Для всех поколений (N = 5451)		Модель 2 «Около-военное», 1930–1944 гг. р. (N = 1117)		Модель 3 «Доперестроечное», 1945–1959 гг. р. (N = 1768)		Модель 4 «Перестроечное», 1960–1974 гг. р. (N = 1735)		Модель 5 «Послеперестроечное», 1975–1986 гг. р. (N = 831)		
	Sig.	Exp(B)	Sig.	Exp(B)	Sig.	Exp(B)	Sig.	Exp(B)	Sig.	Exp(B)	
Поколение	1930–1944 гг. р.	0,51	0,96								
	1945–1959 гг. р.	0,03	1,11	x		x		x		x	
	1960–1974 гг. р.	0,00	1,22								
	1975–1986 гг. р.										
Пол	Мужчины										
	Женщины	0,00	1,28	0,00	1,26	0,00	1,28	0,00	1,23	0,00	1,38
Регион проживания до 15 лет	Мегаполисы	0,00	0,69	0,00	0,69	0,00	0,67	0,00	0,66	0,03	0,76
	Другие города										
Наличие братьев, сестёр	Нет братьев, сестёр										
	1–2	0,00	1,16	0,68	0,95	0,08	1,15	0,01	1,23	0,43	1,23
	3 и более	0,00	1,47	0,14	1,19	0,00	1,48	0,00	1,69	0,21	1,25
Количество лет от 15-летия до получения образования наивысшего уровня		0,00	1,13	0,11	1,12	0,01	1,21	0,11	1,12	0,01	1,31
Количество лет от 15-летия до первого выхода на рынок труда		0,41	0,97	0,24	0,92	0,26	0,92	0,36	1,06	0,04	1,20
Количество лет от 15-летия до первого сожителства с партнёром		0,08	1,30	0,27	1,20	0,18	1,15	0,00	1,36	0,00	1,48
Количество лет от 15-летия до первого зарегистрированного брака		0,00	1,27	0,045	1,08	0,00	1,37	0,00	1,43	0,09	1,22

Результаты полученных моделей говорят о том, что вероятность отделения от родительской семьи в определённом возрасте больше всего зависит от следующих факторов:

для представителей «доперестроечного» (1945–1959 гг. р.) и «перестроечного» (1960–1974 гг. р.) поколений вероятность отделиться в более раннем возрасте выше, чем для самого молодого поколения (1975–1986 гг. р.), на 11 и 22% соответственно. У «околовоенного» (1930–1944 гг. р.) и «послеперестроечного» (1975–1986 гг. р.) поколений различия в вероятностях отделения незначительные, но для молодого поколения вероятность отделиться от родителей в более молодом возрасте на 4% выше. На рисунке 4 показан график кумулятивной вероятности наступления отделения в разрезе поколений.

Кривая функции, отражающей вероятность отделения от родителей, для самого молодого — «послеперестроечного» — поколения (1975–1986 гг. р.) лежит ниже всех остальных кривых. Это значит, что для самого молодого поколения риск отделиться от родителей меньше по срав-

нению со старшими поколениями. Кривые функций для «доперестроечного» (1945–1959 гг. р.) и «околовоенного» (1930–1944 гг. р.) поколений лежат очень близко друг к другу, однако для родившихся в доперестроечные годы вероятность отделения в более раннем возрасте, до 24 лет, выше. Для «околовоенного» поколения эта вероятность выше в более позднем возрасте — после 25 лет. Выше всех находится кривая функции для «перестроечного» поколения. Именно представители этого поколения имеют большую по сравнению с остальными поколенческими группами вероятность начать жить отдельно. Исходя из коэффициентов модели и средних возрастов отделения от родительской семьи, полученных ранее, можно говорить о тенденции более позднего выхода из родительской семьи. Гипотеза 1 о том, что вероятность отделения от родителей для «послеперестроечного» (1975–1986 гг. р.) поколения будет ниже, чем для других поколенческих групп, подтверждена;

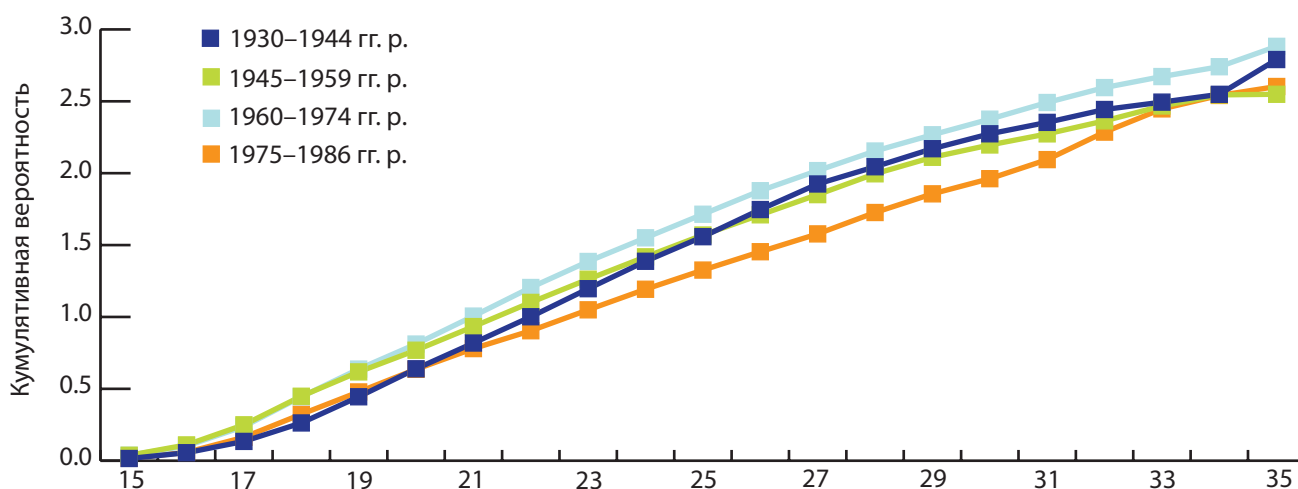

Рис. 3. Кумулятивная вероятность отделиться от родительской семьи в возрасте 15–35 лет в разрезе поколений

для женщин вероятность отделиться от родителей в среднем на 30% выше, чем для мужчин для всей выборки (см. рис. 4).

В «послеперестроечном» поколении (1975–1986 гг. р.) эта вероятность увеличивается до 38%. Для женщин этого поколения риск отделиться после 15-летия почти в два раза выше, чем для представительниц «перестроечного» поколения (1960–1974 гг. р.). Скорее всего, это обусловлено тем, что женщины 1960–1974 гг. р. ещё наследовали модели начала отдельного проживания предыдущих поколений, в то время как для рождённых в 1975–1986 гг. условия социализации были иными в связи с распадом СССР, что повлияло на большую дифференциацию во времени выхода из родительской семьи для мужчин и женщин. Гипотеза 2 о том, что половые различия во времени отделения от родительской семьи существуют во всех поколениях, и у женщин вероятность отделиться раньше выше, чем у мужчин, подтверждена;

для тех, кто проживал в мегаполисе до 15 лет, нашла своё подтверждение гипотеза 3: вероятность начать жить отдельно в более раннем возрасте для них в среднем на 30% ниже, чем для проживающих в других городах. В первых трёх поколениях («околовоенное» (1930–1944 гг. р.), «доперестроечное» (1945–1959 гг. р.) и «перестроечное» (1960–1974 гг. р.)) влияние этого фактора постепенно увеличивается с 31 до 34%. У самого молодого поколения — «послеперестроечного» (1975–1986 гг. р.) — значимость данного показателя возросла, а сила влияния уменьшилась (24%). Место проживания постепенно теряет свою значимость при оценке вероятности отделиться в определённом возрасте. Это можно объяснить существованием системы

распределения трудовых мест по всей территории СССР, причиной отделения от родителей для проживающих в малых городах была как раз трудовая мобильность. Для «послеперестроечного» поколения существуют совсем иные институциональные условия жизни, поэтому влияние данного фактора снижается;

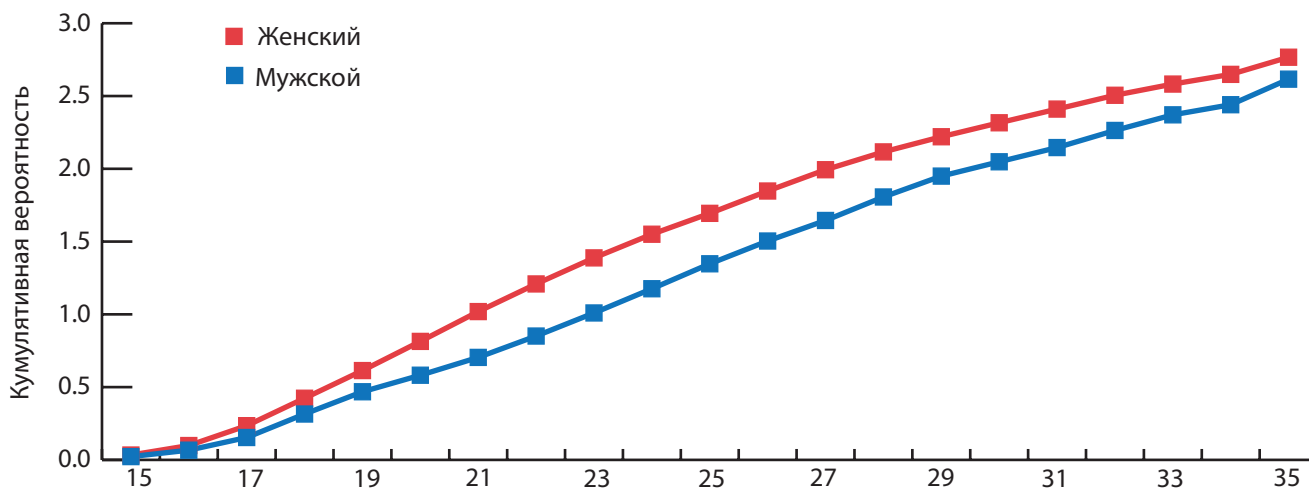

Рис. 4. Кумулятивная вероятность отделиться от родительской семьи в возрасте 15–35 лет в разрезе пола

наличие братьев и сестёр: во всех поколениях увеличение размера семьи способствует более раннему отделению от родителей, а не только в постсоветских, как предполагалось изначально (таким образом, гипотеза 4 не подтвердилась). При этом эта вероятность растёт с увеличением количества братьев и сестёр в семье. Данный фактор перестаёт быть значимым по мере приближения к «послеперестроечному» (1975–1986 гг. р.) поколению, видимо, в силу того, что в современном обществе в основном преобладают семьи с одним ребёнком, и влияние этого фактора на вероятность отделиться от родителей снижается [Захаров 2007];

в среднем для всей выборки **дополнительный год от 15-летия до окончания образования** увеличивает вероятность отделения на 13%. Этот показатель оказался незначимым для «околовоенного» (1930–1944 гг. р.) и «перестроечного» (1960–1974 гг. р.) поколений; в «доперестроечном» (1945–1959 гг. р.) поколении он составил 21%. В «послеперестроечном» (1975–1986 гг. р.) поколении эта вероятность выше всего по сравнению со всеми остальными группами и составляет 31%;

дополнительный год от 15-летия до времени выхода на работу никак не влияет на вероятность отделения от родительской семьи для всех поколений, кроме лиц 1975–1986 гг. р.: для «послеперестроечного» поколения дополнительный год от 15-летия до времени выхода на рынок труда увеличивает вероятность начать жить отдельно на 20%. При выявлении связи отделения с сопутствующими событиями в задаче 2 было установлено, что для «околовоенного» (1930–1944 гг. р.) поколения связь отделения с началом трудовой деятельности выше всего по сравнению с другими событиями. Можно поэтому сказать, что для представителей «околовоенного» (1930–1944 гг. р.) и «перестроечного» (1960–1974 гг. р.) поколений отделение от родителей в большей степени связано с выходом на рынок труда (гипотеза 5 подтверждена);

дополнительный год от 15-летия до начала сожительства с партнёром увеличивает вероятность отделения в «перестроечном» (1960–1974 гг. р.) и «послеперестроечном» (1975–1986 гг. р.) поколениях на 36 и 48% соответственно, то есть для представителей «по-

слеперестроечного» поколения отделение от родительской семьи в большей степени связано с сожительством с партнёром, чем в других группах (гипотеза 7 подтверждена);

дополнительный год от 15-летия до регистрации первого брака увеличивает вероятность отделиться от родителей для представителей всех поколений, кроме «послеперестроечного» (1975–1986 гг. р.). Для «околовоенного» поколения (1930–1944 гг. р.) этот показатель практически незначим (8%). Для «доперестроечного» (1945–1959 гг. р.) и «перестроечного» (1960–1974 гг. р.) поколений дополнительный год от 15-летия до брака увеличивает вероятность отделения на 37 и 43% соответственно. Для поколений 1945–1974 гг. р. регистрация брака способствует более быстрому отделению от родителей по сравнению с другими группами, значит, гипотеза 6 подтверждается. Отсутствие значимости данного показателя для самого молодого поколения может говорить о том, что брак в этой группе не является причиной отделения от родителей, по сравнению с сожительством, наличие которого увеличивает вероятность отделиться от родителей в дополнительный год после 15-летия на 48%.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: для «послеперестроечного» (1975–1986 гг. р.) поколения отделение от родителей в большей степени наступает в связи с получением образования и началом сожительства с партнёром (31 и 48%), в меньшей степени влияет время устройства на работу (20%); в «перестроечном» поколении (1960–1974 гг. р.) отделение наступает с большей вероятностью при регистрации брака (43%), однако тенденция к отделению в связи с сожительством с партнёром также заметна (36%); в «доперестроечном» поколении (1945–1959 гг. р.) вероятность отделения увеличивается в связи с получением образования и регистрацией брака (21 и 37% соответственно); для представителей «околовоенного» поколения (1930–1944 гг. р.) отделение от родителей не подвержено влиянию времени наступления дополнительных событий; исключение составляет регистрация брака, увеличивающая вероятность отделения на 8%.

Заключение

Цель данной работы состояла в том, чтобы выявить межпоколенческие различия во времени отделения от родительской семьи и факторы, оказывающие влияние на наступление данного события. Результаты проведённого анализа в целом подтверждают выводы других исследователей о том, что межпоколенческое единообразие поведения при начале отдельного проживания нарушается, а внутри каждого поколения отделение от родителей обусловлено различными сопутствующими событиями: получение образования; выходом на рынок труда; началом сожительства с партнёром или регистрацией брака [Беляева 2004; Вишневикий 2006: 137; Fussell 2002: 42; Knijn 2012: 106].

Поскольку начало проживания отдельно от родителей во многом зависит как от демографических, так и от социоэкономических факторов в обществе, полученные результаты можно объяснить различным характером институциональных условий, в которых проходила социализация представителей каждого поколения: для «околовоенного» поколения большую роль играло трудовое распределение при отделении от родителей, а также курс на восстановление народного хозяйства; жёсткие нормативные и моральные законы существовали для «доперестроечного» поколения в сфере семейных отношений, например, законодательный запрет разводов и общее порицание добрачных связей; в перестроечное время существенные изменения претерпевает экономическая сфера, возникает рынок жилья, что является одним из толчков к увеличению доли сожительства без официального оформления отношений. Институциональные условия, законы или нравственные установки представляют собой значимые маркеры эпохи, которые формируют определённые условия для социализации, задают рамки для демографического, социального, экономического поведения. Можно сказать, что по мере приближения к «послеперестроечному» поколению в институциональном поле открывается все больше свобод для

выбора альтернативных путей планирования собственного жизненного пути. Получение образования становится альтернативой раннему выходу на рынок труда, а сожительство с партнёром — браку. Именно с этой точки зрения стоит понимать и интерпретировать полученные межпоколенческие различия при начале отдельного проживания от родителей.

Различия в возрастах наступления рассмотренных событий оказались значимыми на уровне доверия 95% в каждом поколении, поэтому можно сказать, что в российском обществе наблюдаются тенденции Второго демографического перехода в сфере начала отдельного проживания, о котором писал Д. Ван де Каа, систематизируя опыт западных стран [Van de Kaa 1987]. Традиционная модель отделения от родителей, когда начало самостоятельного проживания в большей степени было связано с браком, сменяется современными видами поведения, когда отъезд из родительской семьи объясняется как образовательной, трудовой мобильностью, так и сожительством с партнёром [Вишневский 2006].

В рамках дальнейшей работы стоит проанализировать отделение от родительской семьи с более содержательной, интерпретативной стороны. Важно установить, куда именно происходит отделение от родительской семьи (населённый пункт, тип жилья, домохозяйства), как влияет финансовое положение семьи на вероятность отделения от родителей. Владение данной информацией интересно с двух точек зрения: во-первых, мы сможем понять, какие содержательные причины скрываются за отделением от родителей (образовательная, трудовая мобильность); во-вторых, у нас будет возможность отследить наступление других типов отделения (материального и психологического) благодаря получению информации о домохозяйстве, в котором начал проживать человек (живёт один, с друзьями, другими родственниками), а также о его материальной состоятельности (приобрел жильё за собственные деньги, существует постоянная материальная помощь от родителей или нет). Также имеет смысл обратиться к изучению вопроса о роли срочной военной службы в жизни мужчин (принудительное отделение), выявить мнения и установки людей относительно причин начала или, наоборот, откладывания времени отделения от родителей. Интересно проанализировать интерактивные эффекты взаимодействия образования и поколения в регрессионных моделях, то есть посмотреть, какова вероятность наступления отделения от родительской семьи у представителя каждого поколения при определённом уровне образования. Эти и другие перспективы для изучения отделения от родителей помогут более глубоко и содержательно рассмотреть данное событие. Они являются перспективными направлениями для дальнейших исследований в социально-демографической сфере и последующего развития темы.

Литература

- Беляева Л. А. 2004. Социальный портрет возрастных когорт в постсоветской России. *Социологические исследования*. 10: 31–41. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/970/594/1231/004.BELIAEVA.pdf>
- Блюм А., Себий П., Захаров С. В. 2010. Семья в четырёх государствах: Франция, Грузия, Литва, Россия. В сб.: Захаров С. В., Прокофьева Л. М., Синявская О. В. (отв. ред.). *Эволюция семьи в Европе: Восток — Запад*. М.: НИСП; 11–40.
- Блоссфельд Х.П., Хьюинк И. 2006. Исследования жизненных путей в социальных науках. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 9 (1): 15–43. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/793/825/1219/002-Blocsfeld.pdf>
- Бурдяк А. Я. 2007. Применение метода «Анализ наступления события (*Event History Analysis*)» с помощью пакета SPSS. *SPERO*. 6: 189–202. URL: http://spero.socpol.ru/docs/spero_no6.pdf
- Вишневский А. Г. 2006. Обновление семьи и брака. В кн.: Вишневский А. Г. (отв. ред.). *Демографическая модернизация России 1900–2000*. М.: Новое изд-во; 66–146. URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/modern/modernizacija.html>

- Горшков М. К., Шереги Ф. Э. 2010. *Молодёжь России: социологический портрет*. М.: ЦСПиМ; 568–574. URL: http://www.isras.ru/files/File/Molodez_Rossii.pdf
- Головляницина Е. Б., Синявская О. В. 2009. Панельное обследование РИДМИЖ — новое в изучении межпоколенных и гендерных отношений в России. В сб.: Захаров С. В., Малева Т. М., Синявская О. В. (отв. ред.). *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*. М.: НИСП; 323–335.
- Гурко Т. А., Игнатова И. В. 1997. Особенности брачного выбора в России в начале 90-х годов. *Семья в России*. 3: 51. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Gurko_Ignatova.pdf
- Долбик-Воробей Т. 2003. Студенческая молодёжь о проблемах брака и рождаемости. *Социологические исследования*. 11: 78–84. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/480/832/1219/010.DOLBIK-VOROBHEY.pdf>
- Ежов О. Н. 2005. Парадигма жизненного пути в зарубежной социологии. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 8 (3): 22–33. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/631/762/1219/002-Ezhov.pdf>
- Захаров С. В. 2002. Растёт ли российская рождаемость? *Демоскоп-Weekly*. 85–86 (21 октября — 3 ноября). URL: <http://demoscope.ru/weekly/2002/085/tema05.php>
- Захаров С. В. 2006. Брачность в России: история и современность. *Демоскоп-Weekly*. 261–262 (16–29 октября). URL: http://demoscope.ru/weekly/2006/0261/s_map.php#1
- Захаров С. В. 2007. Трансформация брачно-партнёрских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? В сб.: Малева Т. М., Синявская О. В. (отв. ред.). *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*. М.: НИСП; 75–127.
- Захаров С. В., Митрофанова Е. С. 2014. Демографические характеристики молодёжи России. В кн.: Горшков М. et al. (отв. ред.). *Россия и Китай: молодёжь XXI века*. М.: Новый хронограф; 55–79. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Rossiia_i_Kitai_2014.pdf
- Козырева П. М., Лежнина Ю. П. 2014. Репродуктивное поведение молодёжи. В кн.: Горшков М. et al. (отв. ред.). *Россия и Китай: молодёжь XXI века*. М.: Новый хронограф; 192–220. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Rossiia_i_Kitai_2014.pdf
- Кокс Д., Оукс Д. 1988. *Анализ данных типа времени жизни*. М.: Финансы и статистика; 9–18.
- Константиновский Д. Л. 2014. Российская молодёжь: образование и занятость. В кн.: Горшков М. et al. (отв. ред.). *Россия и Китай: молодёжь XXI века*. М.: Новый хронограф; 283–307. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/Rossiia_i_Kitai_2014.pdf
- Левада Ю. 2005. Поколения XX века: возможности исследования. В кн.: Левада Ю. А., Шанин Т. (отв. ред.). *Отцы и дети: поколенческий анализ современной России*. М.: Новое Литературное обозрение; 39–60.
- Магун В. С., Энговатов М. В. 2005. Межпоколенческая динамика жизненных притязаний молодёжи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985–2001 гг. В кн.: Левада Ю. А., Шанин Т. (отв. ред.). *Отцы и дети: поколенческий анализ современной России*. М.: Новое Литературное обозрение; 261–327.

- Митрофанова Е. С. 2009. Использование прикладных аспектов Теории поколений при формировании социальной, корпоративной и государственной политики. *Демоскоп-Weekly*. 381–382 (15–30 июня). URL: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0381/student03.php>
- Митрофанова Е. С. 2010. Семья и брак, матримониальное, репродуктивное и сексуальное поведение в крестьянской, советской и современной России. *Демоскоп-Weekly*. 423–424 (24 мая — 6 июня). URL: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0423/student01.php>
- Митрофанова Е. С. 2011. Демографическое поведение поколений россиян в сфере семьи и рождаемости. *Экономический журнал ВШЭ*. 15 (4): 519–542. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/03/26/1269127738/15_04_08.pdf
- Попова Д. О. 2009. Трансформация семейных ценностей и Второй демографический переход в России: кто в авангарде? В сб.: Захаров С. В., Малева Т. М., Синявская О. В. (отв.ред.). *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*. М.: НИСП; 163–185.
- Семёнова В. В. 2005. Современные концепции и эмпирические подходы к понятию «поколение» в социологии. В кн.: Левада Ю. А., Шанин Т. (отв. ред.). *Отцы и дети: поколенческий анализ современной России*. М.: Новое Литературное обозрение; 80–107.
- Синявская О. В., Тындик А. О. 2009. Рождаемость в современной России: от планов к действиям? В сб.: Захаров С. В., Малева Т. М., Синявская О. В. (отв.ред.). *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе*. М.: НИСП; 9–45.
- Тындик А. О., Митрофанова Е. С. 2014. Социально-экономическое поведение индивида в зеркале концепции жизненного пути. *Мониторинг общественного мнения*. 3: 146–158. URL: http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2014/121/2014_121_15_A.O.Tyndik_E.S.Mitrofanova.pdf
- Чернова Ж., Шпаковская Л. 2010. Молодые взрослые: супружество, партнёрство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России. *Laboratorium. Журнал социальных исследований*. 3: 19–43.
- Шанин Т. 2005. История поколений и поколенческая история. В кн.: Левада Ю. А., Шанин Т. (отв. ред.). *Отцы и дети: поколенческий анализ современной России*. М.: Новое Литературное обозрение; 17–39.
- Aassve A. et al. 2001. Leaving Home Ain't Easy. A Comparative Longitudinal Analysis of ECHP Data. *Working Papers of the Max Planck Institute for Demographic Research*. 38. URL: http://www.researchgate.net/publication/258136530_Leaving_home_A_comparative_analysis_of_ECHP_data
- Arnett J. J. 2000. Emerging Adulthood: A Theory of Development from the Late Teens Through the Twenties. *American Psychologist*. 55 (5): 469–480. URL: http://jeffreymarrett.com/articles/ARNETT_Emerging_Adulthood_theory.pdf
- Arnett J. J. 2004. A Longer Road to Adulthood. In: Arnett J. J. (ed.). *Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens through the Twenties*. New York: Oxford University Press; 3–25. URL: <http://ir.nmu.org.ua/bitstream/handle/123456789/133201/7af07d04e6ffd9efd80f9e900f541397.pdf?sequence=1&isAllowed=y>

- Billari F. C., Liefbroer A. C. 2007. Should I Stay or Should I Go? The Impact of Age Norms on Leaving Home. *Demography*. 44 (1): 181–198.
- Billari F. C., Liefbroer A. C. 2010. Towards a New Pattern of Transition to Adulthood? *Advances in Life Course Research*. 15 (2–3): 59–75.
- Billari F. C., Philipov D., Baizán P. 2001. Leaving Home in Europe: The Experience of Cohorts Born around 1960. *International Journal of Population Geography*. 7 (5): 39–356.
- Blossfeld H.-P. 1986. Career Opportunities in the Federal Republic of Germany: A Dynamic Approach to the Study of Life-Course, Cohort, and Period Effects. *European Sociological Review*. 2 (3): 208–225.
- Buck N., Scott J. 1993. She's Leaving Home: But Why? An Analysis of Young People Leaving The Parental Home. *Journal of Marriage and Family*. 55 (4): 863–874.
- Corijn M., Klijzing E. 2001. *Transitions to Adulthood in Europe*. Dordrech: Kluwer Academic Publishers.
- Cordon J. A. F. 1997. Youth Residential Independence and Autonomy: A Comparative Study. *Journal of Family Issues*. 18 (6): 576–607.
- Elder G. H., Jr. 1985. Perspectives on the Life Course. In: Glen H., Elder G. H., Jr. (eds). *Life Course Dynamics*. Ithaca: Cornell University Press; 23–49.
- Evans A. 2013. Generational Change in Leaving the Parental Home. In: Evans A., Baxter J. (eds) *Negotiating the Life Course: Stability and Change in Life Pathways*. Netherlands: Springer; 53–67.
- Fukuda S. 2009. Leaving the Parental Home in Post-War Japan. *Demographic Research*. 20 (30): 731–816. URL: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol20/30/20-30.pdf>
- Furlong A. 2009. *Handbook of Youth and Young Adulthood: New Perspectives and Agendas*. Abingdon, Oxon, UK: Routledge.
- Furstenberg F. F., Jr. 2010. On a New Schedule: Transitions to Adulthood and Family Change. *The Future of Children*. 20 (1): 67–87. URL: http://www.princeton.edu/futureofchildren/publications/docs/20_01_04.pdf
- Fussell E. 2002. Youth in Aging Societies. In: Mortimer T., Larson R. W. (eds). *The Changing Adolescent Experience: Societal Trends and the Transition to Adulthood*. Cambridge: Cambridge University Press; 18–51.
- Goossens L. 2001. Transition to Adulthood: Developmental Factors. In: Corijn M., Klijzing E. (eds). *Transitions to Adulthood in Europe*. Dordrech: Kluwer Academic Publishers; 27–42.
- Iacovou M., Skew A. 2010. Household Structure in the European Union. *ISER Working Papers*. Institute for Social and Economic Research. 10 (April). URL: <https://www.iser.essex.ac.uk/research/publications/working-papers/iser/2010-10.pdf>
- Knijjn T. 2012. *Work, Family Policies and Transitions to Adulthood in Europe*. Netherlands: Palgrave Macmillan.

- Lesthaeghe R., Moors G. 2000. Recent Trends in Fertility and Household Formation in the Industrialized World. *Review of Population and Social Policy*. 9: 121–170. URL: http://www.researchgate.net/profile/Ron_Lesthaeghe2/publication/254303794_Europe's_demographic_issues_fertility_household_formation_and_replacement_migration/links/00b495263c031e354c000000.pdf
- Mannheim K. 1952. The Problem of Generations. In: Mannheim K. (ed.). *Essays on the Sociology of Knowledge*. New York: Oxford University Press; 276–321.
- Mitchell B. 2000. Integrating Conceptual, Theoretical and Methodological Developments in Homeleaving Research. *Paper Submitted to the Workshop «Leaving Home: A European Focus»*. 6–8 September, Max Planck Institute for Demographic Research, Research Group on the Demography of Early Adulthood, Rostock, Germany. URL: http://www.demogr.mpg.de/Papers/workshops/000906_paper09.pdf
- Mulder C. H. 2009. Leaving the Parental Home in Young Adulthood. In: Furlong A. (ed.). *Handbook of Youth and Young Adulthood New Perspectives and Agendas*. Abingdon, Oxon, UK: Routledge; 203–210.
- Reher D. S. 1998. Family Ties in Western Europe: Persistent Contrasts. *Population and Development Review*. 24 (2): 203–234.
- Ryder N. 1965. The Cohort as a Concept in the Study of Social Change. *American Sociological Review*. 30 (6): 843–861.
- Shorrocks A. F. 1975. The Age-Wealth Relationship: A Cross Section and Cohort Analysis. *Review of Economics and Statistics*. 57 (2). May: 155–163.
- Van de Kaa D. J. 1987. Europe's Second Demographic Transition. *Population Bulletin*. 42 (1): 1–59.
- Zorlu A., Mulder C. H. 2011. Ethnic Differences in Leaving Home: Timing and Pathways. *Demography*. 48 (1): 49–72. URL: http://www.researchgate.net/publication/49806805_Ethnic_Differences_in_Leaving_Home_Timing_and_Pathways

DEBUT STUDIES

Alina Dolgova, Ekaterina Mitrofanova

Leaving the Parental Home in Russia: Intergenerational Aspects

DOLGOVA, Alina — Research Assistant, Laboratory for Studies in Economic Sociology, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: aadolgova24@gmail.com

MITROFANOVA, Ekaterina — Junior Research Fellow, Laboratory of Social and Demographic Policies; Lecturer, Institute of Demography, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya str., Moscow, 101000, Russian Federation.

Email: mitrofanovy@yandex.ru

Abstract

Leaving home is a key life event in the transition to adulthood, but it has been relatively less explored in demographic and sociological studies of Russia. The modernization of socio-demographic behavior which started in the 1960s in Europe is described as the Second Demographic Transition. This began in Russia only in the 1990s. One characteristic of the Second Demographic Transition is that young people spend more time on education, career building, and self-realization: they use a wide range of opportunities of today's world. Current young adults prefer non-marital unions, which postpones starting a family. As a result Russian young adults (born in 1975–1986) tend to leave their parents' home at later ages than their predecessors (born in 1930–1974). The aim of this research is to examine the changes in the timing of leaving home in the perspective of four Russian generations, and set up a new model for understanding leaving home in Russia. At what age do today's young people leave the parental home, compared with previous generations? What factors influence the age at which children leave their parents' home? To answer these questions, we used the panel data of the Russian part of Generations and Gender Survey (GGs-panel: 2004, 2007, and 2011). We analyze the leaving home experience of men and women aged 15–35 years, who were born in 1930–1986. The sample size is in total 5451 respondents. Our main method of analysis is event history analysis (Cox regressions, life tables). The data illustrate that generation

cohort and social variables influence the strategies of leaving home. The main finding of our research is that leaving the parental home depends on generation, and the changes of the model of leaving home are similar to European countries which experienced the Second Demographic Transition.

Keywords: leaving the parental home; life course; social and demographic behavior; intergenerational differences; Russia; generations; Event history analysis.

Acknowledgements

Research and educational group for Fertility, Family formation and dissolution was organized with support of HSE Scientific Found (Research grant No. 14-05-0055).

The authors want to express gratitude to S. Zakharov, D. Ibragimova and colleagues of Laboratory for Studies in Economic Sociology of the Higher School of Economics for helping in preparing the present research and professional guidance.

References

- Aassve A., Billari F., Mazzucco S., Ongaro F. (2001). Leaving Home Ain't Easy. A Comparative Longitudinal Analysis of ECHP Data. *Working papers of the Max Planck Institute for Demographic Research*, no 38. Available at: http://www.researchgate.net/publication/258136530_Leaving_home_A_comparative_analysis_of_ECHP_data (accessed 3 October 2014).
- Arnett J. J. (2000) Emerging Adulthood: A Theory of Development From the Late Teens Through the Twenties. *American Psychologist*, vol. 55, no 5, pp. 469–480. Available at: http://jeffreymarrett.com/articles/ARNETT_Emerging_Adulthood_theory.pdf (accessed 18 November 2014).
- Arnett J. J. (2004) A Longer Road to Adulthood. *Emerging Adulthood: The Winding Road from the Late Teens through the Twenties*, New York: Oxford University Press, pp. 3–25. Available at: <http://ir.nmu.org.ua/bitstream/handle/123456789/133201/7af07d04e6ffd9efd80f9e900f541397.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed 18 November 2014).
- Belyaeva L. (2004) Sotsial'nyy portret vozrastnykh kogort v postsovetskoy Rossii [The Social Portrait of Cohorts in Post-Soviet Russia]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 10, pp. 31–41. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/970/594/1231/004.BELIAEVA.pdf> (accessed 5 February 2015) (in Russian).
- Billari F. C., Liefbroer A. C. (2007) Should I Stay or Should I Go? The Impact of Age Norms on Leaving Home. *Demography*, vol. 44, no 1, pp. 181–198.
- Billari F. C., Liefbroer A. C. (2010) Towards a New Pattern of Transition to Adulthood? *Advances in Life Course Research*, vol. 15, no 2–3, pp. 59–75.
- Billari F. C., Philipov D., Baizán P. (2001) Leaving Home in Europe: The Experience of Cohorts Born around 1960. *International Journal of Population Geography*, vol. 7, no 5, pp. 339–356.
- Blum A., Sebiy P., Zakharov S. (2010) Sem'ya v chetyrekh gosudarstvakh: Frantsiya, Gruzziya, Litva, Rossiya [Family in Three Countries: France, Georgia, Lithuania, Russia]. *Evolutsiya sem'i v Evrope: Vostok — Zapad* [Family Evolution in Europe: East-West] (eds. S. Zakharov, L. Prokof'eva, O. Sinyavskaya), Moscow: Independent Institute for Social Policy, pp. 11–40 (in Russian).
- Blossfeld H. - P. (1986) Career Opportunities in the Federal Republic of Germany: A Dynamic Approach to the Study of Life-Course, Cohort, and Period Effects. *European Sociological Review*, vol. 2, no 3 (December), pp. 208–225. Available at: <http://esr.oxfordjournals.org/content/2/3/208.short> (accessed 5 October 2014).
- Blossfeld H. - P., Huinink J. (2006) Issledovaniya zhiznennykh putey v sotsial'nykh naukakh [Life Course Studies in Social Sciences]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 9, no 1 (34), pp. 15–43. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/793/825/1219/002-Blossfeld.pdf> (accessed 15 March 2015) (in Russian).
- Buck N., Scott J. (1993) She's Leaving Home: But Why? An Analysis of Young People Leaving The Parental Home. *Journal of Marriage and Family*, vol. 55, no 4, pp. 863–874.
- Burdyak A. (2007) Primenenie metoda “Analiz nastupleniya sobytiya (Event History Analysis)” s pomoshch'yu paketa SPSS [Application of the Event History Analysis Using SPSS Package]. *Social Policy: Expertise, Recommendations, Overviews*, no 6, pp. 189–202. Available at: http://spero.socpol.ru/docs/spero_no6.pdf (accessed 15 March 2015) (in Russian).

- Chernova Z., Shpakovskaya L. (2010) Molodye vzroslye: supruzhestvo, partnerstvo i roditel'stvo. Diskursivnye predpisaniya i praktiki v sovremennoy Rossii [Young Adults: Marriage, Partnership and Parenthood. Discursive Prescriptions and Practice in Modern Russia]. *Laboratorium. Journal of Social Studies*, no 3, pp. 19–43.
- Cordon J. A. F. (1997) Youth Residential Independence and Autonomy: A Comparative Study. *Journal of Family Issues*, vol. 18, no 6, pp. 576–607.
- Corijn M., Klijsing E. (2001) *Transitions to Adulthood in Europe*, Dordrech: Kluwer Academic Publishers.
- Dolbik-Vorobey T. (2003) Studencheskaya molodezh' o problemakh braka i rozhdzaamosti [Student Youth about the Problems of Marriage and Fertility]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 11, pp. 78–84 (in Russian).
- Elder G. H., Jr. (1985) Perspectives on the Life Course. *Life Course Dynamics* (eds. H. Glen, G. H. Elder, Jr.), Ithaca: Cornell University Press. pp. 23–49.
- Evans A. (2013) Generational Change in Leaving the Parental Home. *Negotiating the Life Course: Stability and Change in Life Pathways* (eds. A. Evans, J. Baxter), Netherlands: Springer, pp. 53–67.
- Ezhov O. (2005) Paradigma zhiznennogo puti v zarubezhnoy sotsiologii [The Paradigm of Life Course in Foreign Sociology]. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, vol. 8, no 3, pp. 22–22. Available at: <http://ecsocman.hse.ru/data/631/762/1219/002-Ezhov.pdf> (accessed 15 March 2015) (in Russian).
- Fukuda S. (2009) Leaving the Parental Home in Post-War Japan. *Demographic Research*, vol. 20, no 30, pp. 731–816. Available at: <http://www.demographic-research.org/Volumes/Vol20/30/20-30.pdf> (accessed 12 March 2015).
- Furlong A. (2009) *Handbook of Youth and Young Adulthood: New Perspectives and Agendas*, Abingdon, Oxon, UK: Routledge.
- Furstenberg F. F., Jr. (2010) On a New Schedule: Transitions to Adulthood and Family Change. *The Future of Children*, vol. 20, no 1, pp. 67–87. Available at: http://www.princeton.edu/futureofchildren/publications/docs/20_01_04.pdf (accessed 9 November 2014).
- Fussell E. (2002) Youth in Aging Societies. *The Changing Adolescent Experience: Societal Trends and the Transition To Adulthood* (eds. J. T. Mortimer, R. W. Larson), Cambridge: Cambridge University Press, pp. 18–51.
- Golovlyanitsina E., Sinyavskaya O. (2009) Panel'noe obsledovanie RiDMiZh — novoe v izuchenii mezhpokolennykh i gendernykh otnosheniy v Rossii [RiDMiZh Panel Study — the Study of a New Intergenerational and Gender Relations in Russia]. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshhiny v sem'e i obshchestve* [Parents and Children, Men and Women in Family and Society] (eds. S. Zakharov, T. Maleva, O. Sinyavskaya), Moscow: Independent Institute for Social Policy, pp. 323–335 (in Russian).
- Gorshkov M., Sheregi F. (2010) *Molodezh' Rossii: sotsiologicheskiy portret* [The Youth of Russia: Sociological Portrait] (electronic book), Moscow: Center for Social Forecasting and Marketing, pp. 568–574. Available at: http://www.isras.ru/files/File/Molodezh_Rossii.pdf (accessed 2 November 2014) (in Russian).

- Goossens L. (2001) Transition to Adulthood: Developmental Factors. *Transitions to Adulthood in Europe* (eds. M. Corijn, E. Klijzing), Dordrech: Kluwer Academic Publishers, pp. 27–42.
- Gurko T., Ignatova I. (1997) Osobennosti brachnogo vybora v Rossii v nachale 90-kh godov [Features of Marital Choice in Russia in the Early 90s]. *Family in Russia*, no 3, p. 51. Available at: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Gurko_Ignatova.pdf (accessed 12 February 2015) (in Russian).
- Iacovou M., Skew A. (2010) Household Structure in the European Union. *ISER Working Papers*, Institute for Social and Economic Research, no 10 (April). Available at: <https://www.iser.essex.ac.uk/research/publications/working-papers/iser/2010-10.pdf> (accessed 10 October 2014).
- Knijn T. (2012) *Work, Family Policies and Transitions to Adulthood in Europe*, Netherlands: Palgrave Macmillan.
- Koks D., Ouks D. (1988) *Analiz dannykh tipa vremeni zhizni* [The Analysis of Lifetimes Data], Moscow: Finance and Statistics, pp. 9–18 (in Russian).
- Konstantinovskiy D. (2014) Rossiyskaya molodezh': obrazovanie i zanyatost' [Russian Youth: Education and Employment]. *Rossiya i Kitay: molodezh' XXI veka* [Russia and China: The Youth of the XXI Century] (eds. M. Gorshkov, L. Chunlin', Z. Golenkova, P. Kozyreva), Moscow: New Chronograph, pp. 283–307. Available at: http://www.isras.ru/files/File/publ/Rossiya_i_Kitai_2014.pdf (accessed 18 March 2015) (in Russian).
- Kozyreva P., Lezhnina Y. (2014) Reproaktivnoe povedenie molodezhi [Reproductive Behavior of Youth]. *Rossiya i Kitay: molodezh' XXI veka* [Russia and China: The Youth of the XXI Century] (eds. M. Gorshkov, L. Chunlin', Z. Golenkova, P. Kozyreva), Moscow: New Chronograph, pp. 192–220. Available at: http://www.isras.ru/files/File/publ/Rossiya_i_Kitai_2014.pdf (accessed 2 November 2014) (in Russian).
- Lesthaeghe R., Moors G. (2000) Recent Trends in Fertility and Household Formation in the Industrialized World. *Review of Population and Social Policy*, no 9, pp. 121–170. Available at: http://www.researchgate.net/profile/Ron_Lesthaeghe2/publication/254303794_Europe's_demographic_issues_fertility_household_formation_and_replacement_migration/links/00b495263c031e354c000000.pdf (accessed 10 October 2014).
- Levada Y. (2005) Pokoleniya XX veka: vozmozhnosti issledovaniya [Generation of XX Century: The Possibility of Studying]. *Ottsy i deti: pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii* [Fathers and Sons: Generational Analysis of Modern Russia] (eds. Y. Levada, T. Shanin), Moscow: New Literary Observer Publishing House, pp. 39–60 (in Russian).
- Magun V., Engovatov M. (2005) Mezhpokolencheskaya dinamika zhiznennykh prityazaniy molodezhi i strategiy ikh resursnogo obespecheniya: 1985–2001 gg. [Intergenerational Dynamics of Youth Life Aspirations and Their Strategies of Resource Support: 1985–2001 Years]. *Ottsy i deti: pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii* [Fathers and Sons: Generational Analysis of Modern Russia] (eds. Y. Levada, T. Shanin), Moscow: New Literary Observer Publishing House, pp. 261–327 (in Russian).
- Mannheim K. (1952) The Problem of Generations. *Essays on the Sociology of Knowledge* (ed. K. Mannheim), New York: Oxford University Press, pp. 276–321.

- Mitchell B. (2000) Integrating Conceptual, Theoretical and Methodological Developments in Homeleaving Research. *Paper Submitted to the Workshop "Leaving Home: A European Focus"*. 6–8 September, Max Planck Institute for Demographic Research, Research Group on the Demography of Early Adulthood, Rostock, Germany. Available at: http://www.demogr.mpg.de/Papers/workshops/000906_paper09.pdf (accessed 3 March 2015).
- Mitrofanova E. (2009) Ispol'zovanie prikladnykh aspektov Teorii pokoleniy pri formirovani sotsial'noy, korporativnoy i gosudarstvennoy politiki [The Application of Generation Theory During the Social, Corporate and Public Policy Formation]. *Demoscope-Weekly* (electronic journal), no 381–382. June 15–30. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2009/0381/student03.php> (accessed 15 October 2014) (in Russian).
- Mitrofanova E. (2010) Sem'ya i brak, matrimonial'noe, reproduktivnoe i seksual'noe povedenie v krest'yanskoy, sovetskoy i sovremennoy Rossii [Family and Marriage, Matrimonial, Reproductive and Sexual Behavior in the Peasant, Soviet and Modern Russia]. *Demoscope-Weekly* (electronic journal), no 423–424. May 24 — June 06. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2010/0423/student01.php> (accessed 15 October 2014) (in Russian).
- Mitrofanova E. (2011). Demograficheskoe povedenie pokoleniy rossiyan v sfere sem'i i rozhdaemosti [Demographic Behavior of Russian Generations in the Sphere of Family and Fertility]. *Economic Journal of HSE*, vol. 15, no 4, pp. 519–542. Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/2012/03/26/1269127738/15_04_08.pdf (accessed 9 November 2015) (in Russian).
- Mulder C. H. (2009) Leaving the Parental Home in Young Adulthood. *Handbook of Youth and Young Adulthood New Perspectives and Agendas* (ed. A. Furlong), Abingdon, Oxon, UK: Routledge, pp. 203–210.
- Popova D. (2009) Transformatsiya semeynykh tsennostey i vtoroy demograficheskoy perekhod v Rossii: kto v avangarde? [The Transformation of Family Values and the Second Demographic Transition in Russia Who are at the Forefront?]. *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshhiny v sem'e i obshchestve* [Parents and Children, Men and Women in Family and Society] (eds. S. Zakharov, T. Maleva, O. Sinyavskaya), Moscow: Independent Institute for Social Policy, pp. 163–185 (in Russian).
- Reher D. S. (1998) Family Ties in Western Europe: Persistent Contrasts. *Population and Development Review*, vol. 24, no 2, pp. 203–234. Available at: http://www.jstor.org/stable/2807972?seq=1#page_scan_tab_contents (accessed 10 March 2015).
- Ryder N. (1965) The Cohort as a Concept in the Study of Social Change. *American Sociological Review*, vol. 30, no 6, pp. 843–861. Available at: http://www.jstor.org/stable/2090964?seq=1#page_scan_tab_contents (accessed 25 February 2015).
- Semenova V. (2005) Sovremennye kontseptsii i empiricheskie podkhody k ponyatiyu "pokolenie" v sotsiologii. [Modern Concepts and Empirical Approaches to the Concept of "Generation" in Sociology]. *Ottsy i deti: pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii* [Fathers and Sons: Generational Analysis of Modern Russia] (eds. Y. Levada, T. Shanin), Moscow: New Literary Observer Publishing House, pp. 80–107 (in Russian).
- Sinyavskaya O., Tyndik A. (2009) Rozhdaemost' v sovremennoy Rossii: ot planov k deystviyam? [Fertility in Modern Russia: From Plans into Action?] *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshhiny v sem'e i obshchestve* [Parents and Children, Men and Women in Family and Society] (eds. S. Zakharov, T. Maleva, O. Sinyavskaya), Moscow: Independent Institute for Social Policy, pp. 9–45 (in Russian).

- Shanin T. (2005) Istoriya pokoleniy i pokolencheskaya istoriya. [History of Generations and Generational History]. *Ottsy i deti: pokolencheskiy analiz sovremennoy Rossii* [Fathers and Sons: Generational Analysis of Modern Russia] (eds. Y. Levada, T. Shanin), Moscow: New Literary Observer Publishing House, pp. 17–39 (in Russian).
- Shorrocks A. F. (1975) The Age-Wealth Relationship: A Cross Section and Cohort Analysis. *Review of Economics and Statistics*, vol. 57, no 2, May, pp. 155–163.
- Tyndik A., Mitrofanova E. (2014) Sotsial'no-ekonomicheskoe povedenie individa v zerkale kontseptsii zhiznennogo puti [Socio-Economic Behavior in the Individual Life Course]. *The Monitoring of Public Opinion*, no 3 (121), pp. 146–158. Available at: http://wciom.ru/fileadmin/file/monitoring/2014/121/2014_121_15_A.O.Tyndik_E.S.Mitrofanova.pdf (accessed 8 November 2015) (in Russian).
- Van de Kaa D. J. (1987) Europe's Second Demographic Transition. *Population Bulletin*, vol. 42, no 1, pp. 1–59.
- Vishnevskiy A. (2006) Obnovlenie sem'i i braka [Updating the Family and Marriage]. *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii 1900–2000* [Demographic Modernization in Russia 1900–2000], Moscow: New Publishing House, pp. 66–146 (in Russian).
- Zakharov S. (2002) Rastet li rossiyskaya rozhdaemost'? [Does the Russian Birth Rate Rise?] *Demoscope-Weekly* (electronic journal), no 85–86. October 21 — November 3. Available at: <http://demoscope.ru/weekly/2002/085/tema05.php> (accessed 17 October 2014) (in Russian).
- Zakharov S. (2006) Brachnost' v Rossii: istoriya i sovremennost' [Marriages in Russia: Past and Present]. *Demoscope-Weekly* (electronic journal), no 261–262. October 16–29. Available at: http://demoscope.ru/weekly/2006/0261/s_map.php#1 (accessed 17 October 2014) (in Russian).
- Zakharov S. (2007) Transformatsiya brachno-partnerskikh otnosheniy v Rossii: “zolotoy vek” traditsionnogo braka blizitsya k zakatu? [The Transformation of Matrimonial and Partnership Relations in Russia: Is the “Golden Age” of Traditional Marriage Coming to a Close?] *Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshiny v sem'e i obshchestve* [Parents and Children, Men and Women in Family and Society] (eds. T. Maleva, O. Sinyavskaya), Moscow: Independent Institute for Social Policy, pp. 75–127 (in Russian).
- Zakharov S., Mitrofanova E. (2014) Demograficheskie kharakteristiki molodezhi Rossii [The Demographic Characteristics of the Russian Youth]. *Rossiya i Kitay: molodezh' XXI veka* [Russia and China: The Youth of the XXI Century] (eds. M. Gorshkov, L. Chunlin', Z. Golenkova, P. Kozyreva), Moscow: New Chronograph, pp. 55–79. Available at: http://www.isras.ru/files/File/publ/Rossiya_i_Kitai_2014.pdf (accessed 17 March 2015) (in Russian).
- Zorlu A., Mulder C. H. (2011). Ethnic Differences in Leaving Home: Timing and Pathways. *Demography*, vol. 48, no 1, pp. 49–72. Available at: http://www.researchgate.net/publication/49806805_Ethnic_Differences_in_Leaving_Home_Timing_and_Pathways (accessed 27 February 2015).

Received: August 25, 2015.

Citation: Dolgova A., Mitrofanova E. (2015) Otdelenie ot roditel'skoy sem'i v Rossii: mezhpokolencheskiy aspekt [Leaving the Parental Home in Russia: Intergenerational Aspects]. *Journal of Economic Sociology = Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 16, no 5, pp. 46–76. Available at <http://ecsoc.hse.ru/2015-16-5.html> (in Russian).